

Лилия Тимолаева

СЛУЖАНКА
ПО ОШИБКЕ
ДЛЯ РЕКТОРА-ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

**Служанка по ошибке
для ректора-дракона**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Служанка по ошибке для ректора-дракона / Л. Тимолаева —
«Литнет», 2026

Вера Соколова очнулась в чужом мире, в теле служанки Лианы Соль — прямо рядом с украденной ректорской печатью. Её уже считают виновной. Её ждёт наказание. А ректор Академии Чёрного Предела, холодный и опасный дракон Дариан Морвель, не привык сомневаться в приговорах. Но одно случайное прикосновение меняет всё: древняя магия признаёт Лиану королевским ревизором — той, кто имеет право проверить саму академию и даже закрыть её. Теперь ей придётся выжить среди магистров, интриг и чужих тайн, узнать, кто подставил настоящую Лиану, и понять, почему дракон, который должен быть её врагом, всё чаще оказывается рядом в самый опасный момент. Она была служанкой по ошибке. Но её выбор изменит судьбу всей академии.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Служанка, которой я не была	5
Глава 2. Право проверить ректора	14
Глава 3. Башня, куда не ходят по ночам	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Служанка, которой я не была

Первым ощущением был холод.

Он впивался в щёку, в плечо, в ладонь, прижатую к каменному полу, и казался таким настоящим, что Вера Соколова не сразу поняла: она лежит не в своей комнате. В её квартире пол был тёплый, деревянный, с маленькой царапиной возле кровати, о которую она каждый раз цеплялась тапком. Здесь под пальцами был грубый камень, влажный по швам, пахнущий пылью, старым деревом и чем-то горьковатым, будто в этой тесной кладовой годами хранили не вещи, а чужие тайны.

Она попыталась вдохнуть глубже и закашлялась.

В горле стоял привкус дыма, хотя огня нигде не было. Над головой темнели низкие полки, заставленные медными подсвечниками, свёрнутыми полотнами, ящиками с непонятными знаками на крышках. Где-то совсем близко капала вода. Медленно, упрямо, с такой равномерно-стью, что от этого звука хотелось зажмуриться и снова провалиться туда, откуда её выдернули.

Последнее, что Вера помнила, — вечер. Обычный, усталый, без всякого волшебства. Свет настольной лампы, тёмное окно, чашка на краю стола, резкое головокружение и странная золотая вспышка перед глазами. Потом будто кто-то выдернул из-под ног пол, и она рухнула в темноту.

А теперь открыла глаза на чужом каменном полу.

Вера резко села, но тело отозвалось не так, как должно было. Лёгкое, тонкое, непривычное. Движение вышло слишком быстрым, волосы упали на лицо тяжёлой тёмной волной, и она невольно схватилась за них. Не её волосы. У Веры были светло-русые, до плеч, вечно собранные в небрежный хвост. Эти — длинные, почти чёрные, спутанные, пахнущие золой и каким-то терпким травяным мылом.

Она опустила взгляд на руки и замерла.

Пальцы были чужими. Уже, тоньше, с небольшими мозолями на подушечках, будто их хозяйка много работала. Под ногтями темнели чернила, на запястье краснела тонкая царапина. Вера медленно повернула ладони, словно надеялась, что с другого угла всё станет нормальным, объяснимым, но реальность только крепче впивалась в сознание.

На ней было платье.

Не её домашняя футболка, не джинсы, не халат, а серое платье из грубой ткани, с узкими манжетами и потёртым подолом. На груди — маленький вышитый знак: чёрная башня в кольце драконьих крыльев. Ткань неприятно тянула в плечах, ворот давил на горло, а на талии был завязан простой фартук, тоже перепачканный чернилами.

Вера медленно поднялась на колени. Сердце стучало неровно, слишком громко для этой тишины. Ей хотелось сказать вслух что-нибудь обыкновенное, человеческое, своё. Например: «Я сплю». Или: «Такого не бывает». Но голос застрял, потому что рядом, в нескольких шагах от неё, на полу лежала тяжёлая печать.

Она была размером с небольшую шкатулку, только без крышки и петель. Чёрный металл, гладкий и холодный на вид, будто отполированный сотнями рук. На верхней плоскости — рельефная голова дракона с раскрытыми крыльями, а вокруг неё — незнакомые буквы, от которых у Веры неприятно заныло в висках. Печать лежала слишком близко, почти у её коленей, и чернильный след тянулся от неё к Вериным пальцам.

Нет. Не к Вериным.

К чужим пальцам.

Она попятилась, едва не задев плечом полку. На пол посыпалась пыль, с глухим стуком покатился деревянный футляр. Вера вздрогнула, и в тот же миг за дверью раздались шаги.

Тяжёлые. Несколько человек. Быстрые.

— Здесь, — произнёс мужской голос за дверью. — Запах свежих чернил идёт отсюда.

Вера вскочила так резко, что голова закружилась. Дверь была массивная, тёмная, с железной полосой поперёк. Окна в кладовой не было. Другого выхода она не видела. Между полками теснились ящики, свёртки, корзины, но спрятаться здесь было негде, да и от кого она собиралась прятаться, если даже не знала, где находится?

Ручка дёрнулась.

— Откройте! — приказал тот же голос.

Вера отступила ещё на шаг и посмотрела на печать. В голове мелькнула безумная мысль: взять её, спрятать, сделать вид, что ничего не было. Но именно эта мысль показалась такой глупой, что она сжала руки в кулаки, чтобы не поддаться панике. Если вещь лежала рядом с ней, если руки были в чернилах, если за дверью уже кто-то искал эту вещь, значит, её не просто нашли. Её подставили.

Или ту, в чьём теле она очнулась.

Дверь распахнулась с ударом.

В кладовую ворвались двое мужчин в тёмной форме. Высокие, широкоплечие, с серебряными застёжками на воротниках и короткими мечами у поясов. За ними показалась женщина в строгом чёрном платье, с собранными на затылке седыми волосами. Её лицо было таким сухим и неподвижным, что казалось вырезанным из старой кости.

Взгляды всех троих одновременно упали на Веру, потом на печать у её ног.

Тишина длилась всего одно мгновение, но за это мгновение Вера успела понять: оправдываться будет бесполезно. На лицах вошедших не было удивления человека, который случайно застал странную сцену. Там было мрачное удовлетворение тех, кто нашёл именно то, что искал.

— Лиана Соль, — произнесла женщина, и имя ударило Веру сильнее, чем распахнутая дверь. — Даже вы должны были понимать, что ректорскую печать не прячут в кладовой для белья.

— Я не... — Вера осеклась.

Она хотела сказать: «Я не Лиана». Но какой смысл? Эти люди видели перед собой не Веру Соколову. Они видели девушку в сером платье служанки, с чернилами на руках и украденной печатью у ног.

Один из стражей сделал шаг вперёд.

— На колени.

Страх на миг сжал грудь так сильно, что Вера почти послушалась. В этом мире, каким бы он ни был, всё выглядело слишком настоящим: металл на форме стражей, холод в кладовой, чужая ткань на коже, чужое имя, чужая вина. Но именно из-за этого она заставила себя остаться стоять. Если упадёт сейчас, дальше её просто поволокнут, не слушая ни слова.

— Я не брала эту вещь, — сказала она, и голос оказался не её.

Мягче. Ниже. С хрипотцой, будто Лиана Соль до этого долго молчала или кричала. Вера услышала себя и на секунду потеряла нить мысли, но тут же вцепилась в единственное, что ещё могла контролировать. — Я очнулась здесь несколько минут назад. Я не знаю, как она оказалась рядом.

Женщина в чёрном платье поджала губы.

— Очнулись? Как удобно. Все виновные в этой академии внезапно теряют память, когда их ловят с ректорской собственностью.

— Я говорю правду.

— Правду? — один из стражей коротко усмехнулся. — Служанка из нижнего крыла решила поговорить о правде после того, как залезла в ректорский архив?

Ректорский архив.

Академия.

Печать.

Слова складывались в цепочку, но смысла не давали. Вера смотрела на людей перед собой и пыталась найти хоть одну трещину в происходящем, хоть одну деталь, которая выдавала бы сон. Слишком яркий, слишком связный, слишком жестокий сон. Но седая женщина уже наклонилась, подняла печать двумя пальцами, будто боялась испачкаться о сам факт прикосновения к Лиане, и сунула её в бархатный мешочек.

— Господин ректор должен узнать об этом немедленно, — сказала она.

При слове «ректор» оба стража заметно вытянулись. Не сильно, почти незаметно, но Вера уловила перемену. Воздух в кладовой будто стал теснее. В этом слове было что-то большее, чем должность. В нём был страх.

— Пойдёте сами, Соль, — произнесла женщина, — или вас вести?

Вера посмотрела на стражей, на их руки у рукоятей мечей, на холодные лица, и поняла, что выбирать ей никто не собирается давать. Можно было упрямиться, кричать, пытаться доказать невозможное, но тогда её просто схватят. А если идти самой, оставался хотя бы шанс смотреть по сторонам, слушать, думать.

Она медленно вытерла испачканные чернилами пальцы о фартук и подняла подбородок.

— Я пойду.

Женщина смерила её взглядом. В нём мелькнуло что-то похожее на раздражение: видимо, от Лианы Соль ждали слёз, оправданий, просьб, но не этого тихого согласия.

— Очень разумно для той, кто уже сделала глупость века.

Вера не ответила. Она вышла из кладовой между стражами, чувствуя, как чужое платье цепляется за колени, а сердце с каждым шагом бьётся всё быстрее. Коридор за дверью оказался узким, каменным, с высокими сводами. По стенам тянулись чёрные плиты с вырезанными на них драконьими крыльями. В нишах горели синие огни, не похожие на обычное пламя: они почти не давали тепла, только холодный свет, от которого лица людей казались бледными.

Академия Чёрного Предела.

Название всплыло в сознании само, как будто принадлежало памяти этого тела. Не Вера его знала — Лиана. Чужие обрывки мелькали в голове короткими вспышками: длинный двор, звон колокола, грубый голос старшей служанки, тяжёлые корзины с бельём, запрет подниматься выше третьего этажа, взгляд какого-то мужчины в тёмном плаще, от которого хотелось спрятаться.

Вера едва не споткнулась.

Память была рваной, как страницы, вырванные из книги и брошенные в воду. Она не могла ухватить ни одного полного события, но отдельные ощущения вспыхивали болезненно ясно. Лиана Соль боялась этой академии. Не просто устала от неё, не просто ненавидела — именно боялась. И всё равно, судя по печати и чернилам, сделала что-то такое, за что теперь отвечать приходилось Вере.

Они вышли из служебного коридора в широкий холл, и Вера невольно замедлила шаг.

Холл был огромным. Высокие окна уходили почти под потолок, но за ними не было привычного неба: только мрачные горные пики и тяжёлые облака, нависшие над академией, как крышка над сундуком. По стенам тянулись гобелены с драконами: чёрными, серебряными, багровыми, с раскрытыми пастьми и глазами из золотой нити. Каменный пол блестел так, что в нём отражались огни и проходящие люди.

И люди действительно останавливались.

Ученики в тёмно-синих мундирах, девушки в строгих платьях с вышитыми знаками факультетов, магистры в длинных мантиях. Все смотрели на неё. На серое платье служанки, на стражей по бокам, на женщину с бархатным мешочком в руке. Сначала с любопытством, потом с пониманием, а затем по холлу прокатился шёпот.

— Это она?

- Лиана из нижнего крыла?
- Говорили же, служанки совсем распоясались.
- Ректорская печать... Представляете, если правда?
- Морвель с неё кожу снимет за такое.

Вера заставила себя не опускать голову. Каждое слово цепляло, как крючок. Её не просто считали виновной. Её заранее приговорили, потому что она была служанкой. В этом мире серое платье значило меньше, чем любой довод. Нижнее крыло. Чужое имя. Чужая вина. Для них всё уже сложилось.

Один юноша с серебряным значком на воротнике перегородил им путь, явно желая рассмотреть пленницу ближе. Женщина в чёрном платье остановилась и произнесла сухо:

- С дороги, адепт Роун.

Фамилия заставила девушку рядом с ним повернуть голову. Красивая, высокая, с белокурыми волосами, уложенными так безупречно, будто ни один ветер не смел касаться её без разрешения. На её платье драконьи крылья были вышиты серебром, а на пальце блестело кольцо с тёмным камнем. Она смотрела на Веру не с любопытством и даже не с презрением. Скорее с холодным удовольствием.

— Вот как выглядит отчаяние, — негромко сказала она. — Серое платье, грязные руки и мечта стать кем-то важнее половой тряпки.

Несколько девушек рядом тихо засмеялись.

Вера остановилась прежде, чем успела приказать себе идти дальше. Стражи напряглись. Женщина в чёрном платье резко обернулась, но Вера уже смотрела на белокурую девушку.

Внутри всё дрожало: страх, злость, непонимание, унижение, которое досталось ей вместе с этим телом. Но за дрожью вдруг поднялось другое — упрямство, знакомое, своё. То самое, с которым Вера когда-то выходила из кабинетов после чужих обвинений, с которым не позволяла говорить с собой как с пустым местом, даже если внутри всё осыпалось.

— Если вам приходится доказывать своё превосходство перед служанкой, — сказала она ровно, — значит, оно не такое уж очевидное.

Холл замер.

Кто-то тихо втянул воздух. Юноша с серебряным значком удивлённо приподнял брови. Белокурая девушка побледнела не от страха, а от оскорблённой гордости. На лице женщины в чёрном впервые мелькнула живая эмоция — недовольство, смешанное с тревогой.

— Соль, — процедила она. — Вы забываете своё место.

Вера повернула к ней голову.

— Мне его здесь постоянно напоминают. Трудно забыть.

Это было безрассудно. Она поняла это сразу, по тому, как стражи крепче взяли её под локти, по шёпоту, вспыхнувшему с новой силой, по холодному блеску глаз белокурой девушки. Но странным образом именно после этих слов ей стало легче дышать. Если её уже тащили к какому-то ректору-дракону за преступление, которого она не совершала, то молчаливая покорность не делала положение безопаснее. Она только делала его унижительнее.

— Ведите, — приказала женщина в чёрном.

Дальше коридоры стали шире, строже и богаче. На каждом повороте стояли каменные драконы, настолько искусно вырезанные, что Вера ловила себя на ожидании: сейчас один из них повернёт голову. Иногда в стенах открывались арочные окна во внутренний двор. Там на тёмном камне тренировались ученики. У одних над ладонями вспыхивали искры, другие чертили в воздухе светящиеся знаки, третьи стояли перед высокими зеркалами, где за их спинами на мгновение проступали тени крыльев.

Драконы.

Слово больше не звучало как украшение. Здесь оно было реальностью, властью, кровью, страхом. Вера видела, как люди касались гербов на груди, когда проходили мимо определённых

дверей, как замолкали при упоминании ректора, как даже магистры уступали дорогу стражам в чёрной форме.

А потом они подошли к двустворчатым дверям из тёмного дерева.

Двери были выше человеческого роста раза в три. На них переплетались вырезанные драконы тела, а в центре, там, где створки сходились, сиял такой же знак, как на печати: крылья, корона и раскрытая пасть. У дверей стояли ещё двое стражей. Они молча посмотрели на Веру, потом на женщину в чёрном и одновременно отступили.

— Господин ректор в зале совета, — сказал один. — Он уже знает.

Женщина сжала бархатный мешочек.

— Тем лучше.

Вера почти не почувствовала, как её ввели внутрь. Слишком многое навалилось сразу: высокий зал, длинный стол из чёрного дерева, горящие над ним золотые сферы, строгие лица магистров, повернувшиеся к ней одно за другим. Здесь было теплее, чем в коридорах, но от этого тепла не становилось уютнее. Оно исходило от огромного очага в дальнем конце зала, над которым висел герб Академии Чёрного Предела: дракон, обвивший башню.

Вдоль стола сидели люди в мантиях. Кто-то смотрел с безразличным недоумением, кто-то с раздражением, кто-то с жадным интересом. Вера заметила, что свободным оставалось только одно кресло во главе стола. Высокое, с резной спинкой, похожей на раскрытые крылья.

И всё равно она поняла, что ректор уже здесь, прежде чем увидела его.

Это произошло по залу.

Разговоры оборвались. Магистры выпрямились. Стражи, державшие её за локти, словно стали выше. Даже женщина в чёрном платье, до этого уверенная и жёсткая, чуть опустила подбородок.

Дариан Морвель стоял у окна.

Он не спешил поворачиваться, и в этой неподвижности было больше власти, чем в крике. Высокий, широкоплечий, в чёрном камзоле без лишних украшений, только с узкой серебряной застёжкой у горла. Тёмные волосы были убраны назад, открывая резкие черты лица. Вера увидела его профиль: прямой нос, твёрдую линию губ, скулу, на которой пляснул отблеск огня.

Он смотрел не на неё, а на горы за окном, будто всё происходящее в зале было лишь очередной неприятностью из длинного списка.

— Оставьте её, — сказал он.

Голос был негромким, но стражи немедленно отпустили Веру. От резкой свободы она едва не качнулась, но удержалась. Не хватало ещё упасть перед ними всеми.

Дариан Морвель повернулся.

Вера не знала, какими должны быть глаза у дракона в человеческом облике, но его взгляд оказался именно таким, каким она могла бы представить опасность, научившуюся говорить спокойно. Тёмно-серый, почти стальной, с тонким золотым ободком вокруг зрачка. Он не просто смотрел — разбирал, взвешивал, выискивал слабое место. И, кажется, уже заранее не верил ни одному её слову.

Женщина в чёрном поклонилась.

— Господин ректор, служанка Лиана Соль найдена в кладовой нижнего крыла. Рядом с ней была ваша печать. На её руках — следы архивных чернил.

Она протянула бархатный мешочек.

Дариан не взял его сразу. Несколько мгновений он смотрел на Веру, будто печать была менее важна, чем выражение её лица.

— Подойдите, — произнёс он.

Приказ был обращён к ней.

Вера заставила ноги двигаться. Каждый шаг по блестящему полу отдавался в ушах. Она чувствовала взгляды магистров, как прикосновения ледяных пальцев между лопаток. Руки

хотелось спрятать за спину, но она оставила их на виду. Чернила не исчезнут от того, что она попытается их скрыть.

Она остановилась в нескольких шагах от ректора.

Вблизи Дариан Морвель казался ещё опаснее. Не из-за роста или силы, хотя и то и другое чувствовалось сразу. Опасность была в собранности. В том, как он держал паузу, не торопясь задавать вопрос. В том, как остальные ждали его слова. В том, что он мог решить её судьбу, не повышая голоса.

— Лиана Соль, — сказал он, и чужое имя в его устах прозвучало как строка в приговоре. — Служанка нижнего крыла. Доступ к архивному коридору запрещён. Доступ к ректорской печати невозможен. И всё же сегодня вы оказались с ней в кладовой, в час, когда архив был открыт без разрешения.

Вера сжала пальцы, но тут же заставила себя разжать их. Нельзя выглядеть виноватой. Нельзя позволить страху сделать за них всю работу.

— Я не знаю, как печать оказалась рядом со мной.

Один из магистров фыркнул.

Дариан даже не посмотрел на него. Его внимание оставалось на Вере.

— Тогда начните с того, что знаете.

Вера почувствовала, как пересохло во рту. Что она могла сказать? Что ещё утром была в другом мире? Что её звали Вера Соколова? Что она понятия не имеет, кто такая Лиана Соль и почему носит её лицо? В этом зале такие слова не спасли бы. Скорее, сделали бы её удобнее для обвинения: безумная служанка, пойманная на краже.

— Я очнулась в кладовой, — сказала она осторожно. — До этого была темнота. Я не помню, как туда попала. Когда пришла в себя, печать уже лежала рядом.

— Удобная потеря памяти, — заметил седой магистр у стола.

— Возможно, удобная для того, кто меня туда положил, — ответила Вера, прежде чем успела испугаться собственной смелости.

В зале снова стало тихо.

Дариан чуть прищурился. В его взгляде не появилось ни одобрения, ни злости, только более острое внимание.

— Вы хотите сказать, что вас подставили?

— Я хочу сказать, что не брала вашу печать.

— Но следы чернил на ваших руках?

— Не знаю.

— Архив был открыт вашим ключом.

Эта фраза ударила неожиданно.

— Моим?

Женщина в чёрном достала из кармана фартука тонкий медный ключ на цепочке. Вера не видела его раньше, но тело Лианы отозвалось странным внутренним толчком. Знакомая вещь. Тяжесть на поясе. Запрет пользоваться без приказа. Дверь у лестницы. Голос: «Потеряешь — не посмотришь, что ты девчонка».

— Ключ служанки нижнего крыла, — сказала женщина. — Выдаётся для уборки коридоров до третьего уровня. Но сегодня им открыли архивный ход.

— Если ключ был у меня, его могли взять, — сказала Вера.

— И вернуть вам вместе с печатью? — седой магистр усмехнулся. — Какая заботливая преступная рука.

Вера повернулась к нему.

— А вы уверены, что преступник хотел украсть печать, а не показать, кто якобы её украл? Улыбка магистра исчезла.

Она сама удивилась, откуда взялись эти слова. Может быть, из страха. Может быть, из злости. А может быть, из той части Лианы Соль, которая всё ещё оставалась где-то внутри этого тела и знала: в этой академии простых совпадений не бывает.

Дариан сделал шаг ближе.

Вера выдержала его взгляд, хотя всё внутри требовало отступить.

— Для служанки, которую застали с украденной печатью, вы слишком быстро рассуждаете о чужих замыслах.

— Для человека, которого обвиняют без доказательств, я рассуждаю как раз достаточно быстро.

Кто-то у стола тихо ахнул. Женщина в чёрном резко выдохнула, будто Вера перешла черту, за которую обычно не возвращались.

Но Дариан не вспыхнул.

И это почему-то было страшнее.

Он взял у женщины бархатный мешочек, развязал его и вытряхнул печать на ладонь. Чёрный металл тускло блеснул в золотом свете сфер. Вера невольно посмотрела на рельефного дракона и снова почувствовала странную боль в висках, будто знак пытался вспомниться сам.

— Эта печать открывает ректорский архив, зал совета и хранилище клятв, — сказал Дариан. — Её нельзя вынести из моего кабинета без моего разрешения. Её нельзя подделать. Её нельзя случайно найти в кладовой. Вы понимаете, что за попытку украсть её полагается?

Вера молчала.

Она не хотела спрашивать, но тишина всё равно стала ответом.

— Башня наказаний, — произнесла женщина в чёрном. — До решения совета.

По залу прошёл едва заметный шорох. Кто-то из магистров опустил глаза. Даже те, кто смотрел на Веру с презрением, на мгновение стали серьёзнее. Значит, это место пугало не только служанок.

Вера почувствовала, как холод возвращается. Уже не от пола кладовой, а изнутри. Башня наказаний. Чужой мир. Чужое тело. Обвинение, которое она не могла опровергнуть. И мужчина перед ней, чьё слово было законом.

— Я не могу признаться в том, чего не делала, — сказала она тише, чем хотела, но голос не сорвался. — И не могу объяснить то, чего не помню. Но если вы отправите меня туда сейчас, вы потеряете возможность узнать, кто на самом деле хотел, чтобы ваша печать оказалась у служанки.

Дариан смотрел на неё долго. Так долго, что Вера успела услышать собственное дыхание, далёкий гул ветра за окнами, потрескивание огня в очаге.

— Вы торгуетесь со мной? — спросил он наконец.

— Я пытаюсь остаться живой достаточно долго, чтобы доказать свою невиновность.

В его глазах мелькнуло что-то трудноуловимое. Не сочувствие. Скорее интерес, холодный и опасный, как лезвие, вынутое из ножен.

— Невиновные не просыпаются рядом с ректорскими печатями.

— А виновные не стоят перед вами и не предлагают искать настоящего преступника.

— Виновные часто говорят смело, когда понимают, что молчание уже не поможет.

Вера хотела ответить, но Дариан поднял руку, и зал мгновенно стих, хотя никто и так не говорил громко.

— Довольно.

Одно слово — и все споры закончились.

Он повернулся к стражам.

— Башня наказаний. Нижний уровень. До рассвета никто не входит к ней без моего приказа.

Вера ощутила, как пол будто стал ненадёжным. До рассвета. Нижний уровень. Никто не входит. Слова складывались в клетку быстрее, чем она успевала искать выход.

Стражи подошли с двух сторон.

— Подождите, — сказала она, обращаясь уже не к залу, а к Дариану. — Вы же сами понимаете, что здесь что-то не сходится. Если бы я хотела украсть печать, зачем оставалась бы с ней в кладовой? Почему не сбежала? Почему у меня нет ничего, кроме грязного фартука и чужих обвинений?

— Возможно, потому что вас поймали раньше, чем вы успели.

— Или потому что кто-то знал, что меня там найдут.

Дариан приблизился ещё на шаг. Теперь между ними оставалось так мало места, что Вера почувствовала слабый запах дыма и холодного ветра от его одежды.

— В этой академии, Лиана Соль, каждый второй считает себя умнее правил. Каждый третий уверен, что может обмануть дракона. И почти каждый, кого приводят в этот зал, говорит, что его подставили.

— А вы каждому верите только после того, как уже сломали?

Вопрос вырвался слишком резко.

Женщина в чёрном тихо прошептала:

— Соль...

Но было поздно.

Взгляд Дариана изменился. Не стал яростным, нет. Просто в нём исчезло последнее расстояние между судьёй и обвиняемой. Теперь он смотрел на неё как на человека, который не только осмелился спорить, но и задел что-то личное.

— Уведите, — сказал он.

Стражи взяли Веру под руки. На этот раз крепче.

Она дёрнулась, не столько чтобы вырваться, сколько от отчаянного отказа принять происходящее. Бархатный мешочек лежал на столе рядом с Дарианом, печать наполовину выпала из него, и Вера вдруг подумала, что это единственная вещь в зале, которая может доказать хоть что-то. Все говорят о её силе, о её невозможности, о правилах. Значит, в ней есть не только обвинение. В ней есть ответ.

Страж потянул её к двери.

Вера сделала шаг, второй, но взгляд не отрывался от печати. В висках снова пульсировала боль. Чужая память шевельнулась, как птица под тёмной тканью. Ректорский архив. Чернила. Дверь. Пальцы на холодном металле. Женский шёпот: «Если знак проснётся, беги к совету. Не к нему. Никогда не к нему».

К кому — к нему?

К Дариану?

Она не успела понять.

У самой двери один из стражей перехватил её неудобно, и Вера, пытаясь удержать равновесие, резко отступила назад. Её рука взметнулась, пальцы задели край стола, скользнули по дереву и коснулись чёрного металла печати.

Всё произошло без звука.

Сначала она почувствовала тепло. Не обжигающее, а глубокое, живое, будто под ладонью вдруг забилось сердце. Потом печать вспыхнула.

Золотой свет рванул вверх, ослепительный и густой, заполнил зал, отразился в окнах, в глазах магистров, в серебряных застёжках стражей. Вера вскрикнула, но не от боли. Свет прошёл через ладонь, поднялся по руке, охватил запястье тонким кольцом и раскрылся в воздухе над столом огромным знаком: корона, весы и драконье крыло, пронзённые вертикальной линией.

Зал совета застыл.

Не просто притих — окаменел.

Женщина в чёрном отступила так резко, что ударилась спиной о кресло. Седой магистр поднялся, но не произнёс ни слова. Стражи выпустили Веру, словно её кожа вдруг стала раскалённой. Золотой знак висел над столом, медленно вращаясь, и его свет ложился на лица людей, стирая с них прежнее презрение.

Теперь там был страх.

Вера стояла, не смея убрать руку. На запястье сияла тонкая золотая метка, повторяющая знак в воздухе. Она не знала, что это значит, но знала по лицам окружающих: произошло что-то невозможное. Что-то, из-за чего даже те, кто минуту назад готов был отправить её в башню, теперь боялись дышать слишком громко.

Дариан Морвель не двигался.

Он смотрел на знак, затем на её руку, потом на лицо Веры. Впервые с момента его появления она увидела, как в его безупречном самообладании появилась трещина. Небольшая, почти мгновенная, но настоящая. Его губы побледнели, а в глазах вспыхнуло золото — уже не отражение света, а что-то собственное, драконье, опасное.

— Господин ректор... — начала женщина в чёрном, и голос её сорвался.

Дариан поднял ладонь, заставляя её замолчать.

Золотой знак над столом вспыхнул ярче. Где-то в стенах Академии Чёрного Предела глухо ударил колокол. Один раз. Второй. Третий. С каждым ударом у Веры внутри всё сильнее крепло ощущение, что дверь, которую она случайно открыла, теперь уже не закрыть.

Дариан сделал шаг к ней.

Теперь зал смотрел не на служанку, пойманную с чужой печатью. Он смотрел на девушку в сером платье, с чернилами на руках и знаком власти, который, судя по лицам магистров, не мог принадлежать ей ни при каких обстоятельствах.

Ректор остановился совсем близко. Его голос прозвучал тихо, но в этой тишине было больше ярости, чем в крике.

— Этого не может быть. Этот знак открывается только тому, кто имеет право закрыть мою академию.

Глава 2. Право проверить ректора

Зал совета ещё не успел оправиться от золотого света, а Лиана уже поняла: если сейчас она растеряется, её раздавят куда быстрее, чем успеет погаснуть знак над столом.

Колокол бил где-то в глубине стен. Его глухие удары шли по камню, по полу, по рёбрам, будто Академия Чёрного Предела сама проснулась и теперь требовала ответа. Золотая метка на её запястье продолжала светиться, тонкая, ровная, невозможная. Лиана не знала, как её убрать, и это пугало почти так же сильно, как лица магистров.

Ещё несколько минут назад они смотрели на неё как на служанку, пойманную с ректорской печатью. Теперь в их взглядах появилась осторожность. Не уважение, конечно. Не доверие. Но прежнее презрение отступило, потому что даже самые высокомерные люди в этом зале боялись древнего знака больше, чем серого платья.

Дариан Морвель стоял так близко, что Лиана видела, как на его скуле отражается золотой свет. Лицо ректора оставалось сдержанным, но эта сдержанность больше не казалась спокойствием. В ней чувствовалось усилие, натянутое до предела.

— Уберите знак, — произнёс он.

Лиана медленно посмотрела на свою руку.

— Я бы с радостью, если бы знала как.

В зале кто-то резко втянул воздух, будто сама мысль о том, что служанка может отвечать ректору таким тоном, была опаснее кражи печати.

Дариан не повысил голоса.

— Не играйте со мной, Лиана Соль.

— Я не играю. Я вообще не понимаю, что происходит.

— Знак королевской ревизии не просыпается от непонимания.

Лиана сжала пальцы, но золотой обод на запястье от этого вспыхнул ярче. По коже прошла лёгкая волна тепла, и где-то под этим теплом шевельнулась чужая память. Не картинка, не голос, а ощущение: холодный коридор, чёрная дверь, дрожащие руки настоящей Лианы Соль и страх, спрятанный так глубоко, что от него становилось трудно дышать.

Она заставила себя поднять глаза на ректора.

— Тогда объясните мне вы. Все в этом зале явно знают больше, чем я.

Седой магистр, тот самый, что до этого усмехался над её словами, ударил ладонью по столу.

— Наглость! Господин ректор, это очевидный обман. Служанка не могла получить право ревизии. Нужно немедленно изолировать её, пока мы не выясним, кто стоит за этим представлением.

— Магистр Варен, — Дариан даже не повернул головы, но тот мгновенно умолк. — Если бы вы могли изолировать носителя знака ревизии без последствий, вы бы уже это предложили не так громко.

Магистр Варен побледнел, и Лиана отметила это про себя. Значит, знак не просто защищал её. Он связывал руки тем, кто хотел немедленно вернуть всё на прежние места.

Женщина в чёрном платье, приведшая Лиану из кладовой, стояла у края стола с таким видом, будто её заставили присутствовать при обрушении давно выстроенного порядка. На её лице боролись страх и ненависть. Страх пока побеждал.

— Господин ректор, — сказала она осторожно, — возможно, следует вызвать хранителя устава. Только он может подтвердить...

— Уже поздно, госпожа Тиль, — перебил её один из магистров помоложе, с тонким лицом и тёмными глазами. — Колокол прозвучал трижды. Академия признала пробуждение знака. Отменить это нельзя.

Лиана повернула к нему голову. В отличие от остальных, он не смотрел на неё с открытой враждебностью. Скорее изучал, как редкую ошибку в давно известном тексте.

— Кто вы? — спросила она прежде, чем успела подумать, можно ли задавать вопросы здесь.

Магистр слегка наклонил голову.

— Ориан Тарс, старший магистр права и внутреннего порядка Академии Чёрного Предела.

Имя ничего не сказала Лиане, но тело отозвалось едва заметным напряжением. Где-то в глубине чужой памяти всплыло ощущение тёмной мантии, тихих шагов и чужой улыбки, которую прежняя Лиана не любила. Или боялась. Сейчас это было не разобрать.

Дариан заметил её реакцию. Лиана поняла это по тому, как его взгляд на мгновение стал острее.

— Раз вы так хорошо помните правила, магистр Тарс, — произнёс ректор, — напомните совету, что означает знак ревизии.

Ориан положил руки на край стола. Его голос был мягким, выверенным, почти приятным, но от этой приятности у Лианы почему-то пробежал холодок между лопаток.

— Носитель знака получает временный статус королевского ревизора до завершения проверки. С момента пробуждения знака его нельзя подвергать наказанию, ограничивать в передвижении по разрешённым уставом зонам, лишать доступа к документам, относящимся к проверке, или принуждать к признанию вины без решения открытого совета.

В зале стало ещё тише.

Лиана медленно вдохнула. Каждое слово Ориана было для неё как ступенька над пропастью. Временный статус. Нельзя наказывать. Нельзя лишать доступа. Нельзя принуждать.

Ещё несколько минут назад её собирались отправить в башню наказаний. Теперь тот же зал вынужден был признать, что она уже не просто обвиняемая.

Служанка по ошибке. Ревизор по праву знака.

Дариан смотрел не на Ориана, а на Лиану.

— Вы слышали?

— Да.

— Тогда советую понять и другое. Право ревизии не делает вас невиновной. Оно лишь откладывает наказание до тех пор, пока Академия не выяснит, кто и как открыл знак на вашей руке.

— Очень щедро, — сказала Лиана. — Сначала меня не могут наказать без проверки, а потом будут проверять, как меня всё-таки наказать.

Уголок губ у Ориана едва заметно дрогнул, но он сразу спрятал это выражение. Госпожа Тиль посмотрела на Лиану так, словно та собственноручно разбила фамильный хрусталь всей Академии.

Дариан сделал шаг назад и убрал печать со стола. На этот раз, когда его пальцы сомкнулись на чёрном металле, золотой знак над столом не погас. Он только дрогнул, будто отозвался на прикосновение.

— Осторожнее со словами, Соль.

— Я буду осторожнее, когда перестану быть единственной в этом зале, кого пытаются обвинить, не выслушав.

— Вас выслушали.

— Нет. Меня допрашивали.

На этот раз молчание стало другим. Более густым, напряжённым. Лиана сама не знала, откуда брала силы говорить. Колени по-прежнему казались ненадёжными, ладонь горела от прикосновения к печати, внутри всё ещё сидел ужас от чужого тела, чужого мира и чужого имени. Но в этом ужасе появилось направление. Если знак давал ей хоть какой-то шанс, она не

имела права стоять и ждать, пока взрослые, властные, уверенные в своей правоте люди решат, как удобнее её уничтожить.

Дариан смотрел на неё долго. Слишком долго. В его взгляде не было тепла, но и прежней уверенности стало меньше. Он словно примерял новую реальность и злился на то, что она не подчиняется его воле.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Раз знак назвал вас ревизором, совет признает временное действие устава.

Седой магистр Варен резко поднялся.

— Господин ректор, это безумие. Мы не можем позволить служанке ходить по Академии с правом проверки. Она прочтёт то, что не должна видеть, задаст вопросы тем, кто не обязан перед ней отчитываться, внесёт смуту среди адептов и прислуги.

— Сядьте, магистр.

— Но...

— Сядьте.

Во втором приказе не было громкости, но Варен сел так быстро, будто кресло само ударило его под колени.

Лиана невольно посмотрела на Дариана. Вот она, власть. Не в угрозах, не в жестоких жестах, не в желании унижить того, кто слабее. В том, что один человек мог остановить целый зал двумя словами, и никто не сомневался: лучше подчиниться.

От этого становилось тревожнее.

Если такой мужчина считал её угрозой, он не станет кричать. Он будет действовать. Точно, спокойно, без лишних движений.

— Магистр Тарс, — сказал Дариан, — принесите устав.

Ориан поднял брови.

— Полный?

— Полный.

Несколько магистров переглянулись. Госпожа Тиль прижала ладонь к груди, будто это слово имело неприличный вес.

— Господин ректор, — тихо сказала она, — полный устав не раскрывали со времён вашего вступления в должность.

— Значит, сегодня у него будет редкий день.

Ориан задержал взгляд на Дариане на одно мгновение дольше, чем требовалось, затем поклонился и направился к дальней стене. Там, между двумя высокими окнами, Лиана заметила узкую дверь, почти незаметную на фоне чёрного камня. Магистр коснулся пальцами резного драконьего глаза на стене, что-то произнёс так тихо, что слов не разобрать, и дверь открылась без скрипа.

Пока его не было, никто не говорил.

Лиана стояла у края длинного стола, всё ещё в сером платье, с фартуком, испачканным чернилами, и светящейся меткой на руке. Она чувствовала себя нелепой ошибкой в роскошной, опасной картине. Все здесь были на своих местах: магистры, стражи, госпожа Тиль, ректор у главного кресла. Только она выбивалась из порядка. Чужая, грязная, обвинённая, с властью, которую не просила и не понимала.

Но именно поэтому её боялись.

Мысль пришла неожиданно и оказалась крепче страха. Они боялись не Лиану Соль. Не служанку из нижнего крыла. Они боялись того, что привычный порядок вдруг признал право за той, кого привыкли не замечать.

Ориан вернулся с книгой.

Устав Академии Чёрного Предела оказался не просто книгой. Это был огромный фолиант в переплёте из тёмной кожи, стянутый серебряными углами. На обложке мерцал тот же

знак башни и драконьих крыльев. Когда Ориан положил его на стол, золотые сферы над залом мигнули, а метка на запястье Лианы отозвалась коротким теплом.

— Откройте раздел о королевской ревизии, — приказал Дариан.

Ориан положил ладонь на обложку.

— Устав должен сам признать запрос.

— Тогда пусть признаёт.

Магистр посмотрел на Лиану.

— Ревизор должен коснуться книги.

Все взгляды снова оказались на ней.

Лиана почувствовала, как в горле пересохло. В прошлый раз её случайное прикосновение к печати едва не перевернуло зал совета. Что сделает книга, которая, судя по лицам магистров, была не менее опасной?

Она перевела взгляд на Дариана.

— А если я откажусь?

— Тогда совет сочтёт, что вы не готовы принять право, которое получили.

— И снова отправит меня в башню?

— Нет, — сказал Ориан мягко. — Башня пока закрыта для такого решения. Но отказ от права ревизии сделает вас обычной обвиняемой в попытке кражи ректорской печати. Процедура будет иной, но итог вряд ли порадует вас больше.

Очень вежливо. Почти ласково. И оттого ещё неприятнее.

Лиана посмотрела на фолиант. Страх просил не трогать. Разум говорил, что выбора нет. А упрямство, которое стало её единственной опорой в этом мире, уже поднимало голову.

Она протянула руку.

Книга была тёплой.

Под её пальцами переплёт дрогнул, будто вдохнул. Серебряные уголки вспыхнули, страницы сами начали переворачиваться — быстро, с сухим шелестом, от которого магистры невольно подались вперёд. Первые строки она не понимала: буквы мелькали слишком стремительно, сливаясь в тёмные и золотые линии. Но когда страницы остановились, текст вдруг стал понятным.

Не потому, что она знала этот язык. Скорее, сам устав решил, что она обязана его прочитать.

«О праве королевской ревизии в учреждениях драконьей власти».

Лиана поймала взглядом строки. Носитель знака. Неприкосновенность до завершения проверки. Право доступа. Право запроса. Право свидетельства. Право временного приостановления решений совета при наличии угрозы Академии.

Слишком много власти для девушки, которую десять минут назад собирались волоочь в башню.

— Читайте вслух, — сказал Дариан.

Лиана подняла глаза.

— Зачем?

— Чтобы каждый в этом зале услышал, какие правила теперь нас связывают.

В его голосе не было удовольствия. Он не хотел этого. Но, в отличие от остальных, понимал: если закон проснулся, сделать вид, что ничего не произошло, уже нельзя.

Лиана медленно провела взглядом по странице и начала читать. Сначала голос звучал неуверенно, но с каждой строкой креп. Она читала о праве ревизора входить в архивы, требовать отчёты, вызывать свидетелей, получать сопровождение в закрытые зоны Академии. Когда дошла до пункта о том, что лицо любого сословия, признанное знаком, получает временный статус представителя королевской воли, в зале кто-то тихо выругался.

Дариан повернул голову.

Звук оборвался.

Лиана продолжила. Слова были сложные, старомодные, тяжёлые, но смысл она понимала ясно. Устав не делал её хозяйкой Академии. Но он давал ей возможность задавать вопросы тем, кто никогда не ответил бы служанке. И чем дольше она читала, тем мрачнее становились лица магистров.

Особенно Варена.

Госпожа Тиль смотрела в стол, но пальцы её нервно перебирали складки чёрного платья. Ориан сохранял спокойствие, однако Лиана заметила, как он следит не за текстом, а за реакцией Дариана. Это было странно. Если магистр права должен был бояться нарушения устава, он должен смотреть на книгу. Ориан же смотрел на ректора, будто проверял, когда тот сорвётся.

Дариан не срывался.

— Достаточно, — сказал он, когда Лиана закончила раздел о запросах к архивам. — Совет признаёт временное право Лианы Соль на ревизию до выяснения обстоятельств возбуждения знака.

— Это опасный прецедент, — проговорил Варен.

— Опасным он станет, если кто-то решит, что может нарушить устав на глазах у самого устава, — ответил Дариан.

Фолиант будто услышал его слова: на странице прошёл тонкий золотой отблеск.

Лиана почувствовала, как в груди впервые за всё время появилось что-то похожее на воздух. Не свобода. До свободы было далеко. Но её больше нельзя было просто утащить и запереть без вопросов.

Она посмотрела на Дариана.

— Значит, башня отменяется?

— На сегодня.

— Щедро.

— Разумно, — поправил он. — Не путайте одно с другим.

Их взгляды встретились, и на мгновение зал будто отодвинулся. Лиана стояла перед человеком, который всё ещё видел в ней угрозу, обман, проблему, нарушившую его порядок. Но теперь он был вынужден разговаривать с ней иначе. Не как со служанкой. Не как с пойманной воровкой. Как с фигурой на доске, которую нельзя просто сбросить рукой.

И это его злило.

Она вдруг поняла, что злость Дариана опаснее открытой жестокости. Потому что он умел её держать.

— Мне нужны ответы, — сказала Лиана.

— Вам? — Варен не удержался от возмущённого смеха. — Девчонка, вы ещё не осознали, в какое положение себя поставили.

— Осознала достаточно, чтобы понять: если кто-то подбросил мне печать, значит, этот кто-то рассчитывал, что меня быстро обвинят и уберут. Теперь я хочу знать, кто так торопился.

Дариан медленно перевёл взгляд на Варена, и тот снова замолчал.

— Что именно вы намерены проверить? — спросил ректор.

Лиана хотела ответить сразу, уверенно, но вовремя остановилась. Она почти ничего не знала об Академии, о ревизии, о Лиане Соль. Любая слишком точная просьба могла выдать незнание. Ей нужно было спрашивать так, чтобы получить максимум и не показать, насколько она слепа.

— Начну с того, что связано с обвинением, — сказала она. — Архивный коридор, журнал доступа, ключи служанок нижнего крыла, путь от вашего кабинета до кладовой. И список тех, кто знал, где находится печать сегодня.

По залу прошёл новый шорох. На этот раз в нём было не только раздражение, но и тревога.

Дариан прищурился.

— Для человека, который ничего не помнит, вы выбираете довольно точные направления.

— Потому что я ничего не помню. Значит, мне нужны факты.

Он чуть наклонил голову. На его лице не появилось улыбки, но Лиане показалось, что где-то глубоко в этом холодном взгляде мелькнуло нехотя признанное любопытство.

— Магистр Тарс, подготовьте для ревизора журнал доступа за последние сутки. Госпожа Тиль, список служанок, имевших ключи нижнего крыла. Варен, вы предоставите сведения о состоянии архива.

Варен выпрямился.

— Я? Господин ректор, архив — зона магистерского контроля. Передавать документы служанке...

— Ревизору, — поправил Дариан.

Слово прозвучало сухо. Ему явно не нравилось произносить его рядом с Лианой, но именно поэтому оно задело зал сильнее.

Варен сжал губы.

— Ревизору, — повторил он с заметным усилием.

Лиана не удержалась.

— Благодарю, магистр.

Он посмотрел на неё так, будто благодарность была ещё одним оскорблением.

Дариан повернулся к стражам.

— До окончания первого этапа проверки Лиана Соль остаётся под охраной.

Вот теперь воздух снова стал теснее.

— Под охраной? — переспросила Лиана.

— Вы носитель знака и одновременно главная обвиняемая. Отпустить вас гулять по Академии без сопровождения было бы глупо.

— Сопровождение или надзор?

— Называйте так, как вам удобнее.

— А если мне неудобно ни так, ни так?

— Тогда привыкайте к неудобствам. Академия не обязана подстраиваться под ваш вкус.

Она смотрела на него, чувствуя, как злость разогревает кровь. Этот человек только что был вынужден признать её право, но уже нашёл способ превратить защиту в повод держать её рядом с решёткой. Пусть даже решётка будет ходить на двух ногах и называть себя охраной.

— Кто будет сопровождать меня? — спросила она.

— Сержант Рок.

Один из стражей шагнул вперёд. Тот самый, что в кладовой велел ей встать на колени. Каменное лицо, короткие тёмные волосы, внимательные глаза. В отличие от магистров, он смотрел на неё без презрения. Скорее без иллюзий.

— Сержант не вмешивается в вопросы проверки, — сказал Дариан. — Но следит, чтобы вы не оказались там, где ваше право не действует.

— И чтобы я не сбежала?

— Если вы действительно невиновны, вам некуда бежать.

Это было сказано спокойно, но попало точно в больное место. Лиана вспомнила свою квартиру, тёмное окно, свет лампы, обычный вечер, который теперь казался не прошлым, а другой жизнью. Ей было куда бежать. Просто в этом мире не было дороги назад.

Она отвернулась первой, чтобы Дариан не увидел, как дрогнуло её лицо.

— Мне нужна комната, — сказала она. — Не кладовая. Не башня. Комната, где я смогу привести себя в порядок и прочитать устав.

Госпожа Тиль резко вскинула голову.

— Служанки нижнего крыла живут в общей спальне. По правилам...

— По правилам ревизор имеет право на безопасное отдельное помещение до окончания проверки, — мягко напомнил Ориан.

Лиана посмотрела на него. Он улыбнулся ровно настолько, чтобы это выглядело как помощь. И всё же внутри у неё снова шевельнулось недоверие. Ориан слишком легко подсказывал ей права. Слишком охотно направлял события туда, куда они и так должны были идти. Может быть, он был единственным разумным человеком в зале. А может быть, просто лучше других понимал, как использовать новый порядок.

Дариан заметил их короткий обмен взглядами.

— Восточная гостевая комната, — сказал он. — Та, что рядом с малым архивом.

Госпожа Тиль побледнела ещё сильнее.

— Господин ректор, но это крыло предназначено для представителей королевской канцелярии.

— Именно.

Лиана поняла: он делает это не из любезности. Комната рядом с архивом означала удобство для проверки, но ещё и близость к тем, кто сможет следить за каждым её шагом. Дариан давал ей статус, одновременно помещая под собственный взгляд.

— Как предусмотрительно, — сказала она.

— Я редко действую иначе.

В этих словах не было хвастовства. Просто факт. И от этого становилось ясно: недооценивать его нельзя ни на секунду.

Совет начал расходиться не сразу. Магистры поднимались медленно, нехотя, будто каждый хотел первым уйти и последним остаться, чтобы не пропустить что-то важное. Варен собрал свои бумаги резкими движениями. Госпожа Тиль держалась рядом с дверью, не глядя на Лиану. Ориан задержался у устава, закрыл его ладонью и только потом посмотрел на неё.

— Будьте осторожны с тем, что просите, ревизор Соль. В Академии ответы редко бывают безопаснее вопросов.

— Это предупреждение?

— Совет.

— А разница есть?

Его улыбка стала чуть глубже.

— Иногда от разницы зависит жизнь.

Лиана не успела ответить. Между ними встал Дариан.

Не резко, не демонстративно. Просто сделал шаг, и Ориан оказался по другую сторону этого молчаливого барьера.

— Магистр Тарс, документы.

— Разумеется, господин ректор.

Ориан поклонился и вышел, оставив после себя ощущение закрытой двери, за которой кто-то продолжает слушать.

Когда в зале остались только Дариан, Лиана, сержант Рок и госпожа Тиль у дверей, тишина стала более личной. Не мягкой, нет. Скорее опасной, потому что теперь за каждым словом уже не пряталась толпа свидетелей.

Дариан взял ректорскую печать со стола. Знак на запястье Лианы отозвался так резко, что она невольно прижала руку к груди.

Он заметил.

— Больно?

— Нет.

— Неправда.

Лиана подняла глаза.

— А вы теперь ещё и мои ощущения лучше меня знаете?

— Я знаю, как реагирует древняя магия, когда её разбудили неправильно.

— Значит, вы всё-таки уверены, что я её разбудила неправильно?

— Я уверен, что служанка нижнего крыла не должна носить знак королевской ревизии.

Слова были холодными, но на этот раз Лиана услышала в них не только презрение к её положению. Там было что-то ещё. Настороженность. Почти тревога.

— А если должна? — спросила она. — Если ваша Академия сама решила, что служанка увидит больше, чем магистры?

Дариан подошёл ближе. Настолько, что сержант Рок едва заметно напрягся, хотя вряд ли мог защитить её от собственного ректора.

— Не путайте случайную вспышку с решением Академии.

— Но вы только что сами признали устав.

— Я признал силу знака. Это не одно и то же.

— Очень удобно. Когда знак мешает вам наказать меня, он всего лишь сила. Когда обвиняет меня печать, это уже закон.

В его взгляде снова вспыхнуло золото. На миг Лиане показалось, что в глубине этих глаз движется что-то огромное, крылатое, нетерпеливое. Она должна была отступить, но не отступила. Может быть, от усталости. Может быть, потому что слишком много раз за этот день её пытались поставить на колени.

— Вы быстро учитесь, Лиана Соль, — сказал Дариан тихо.

— Приходится. Здесь незнание слишком дорого стоит.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд, затем повернулся к госпоже Тиль.

— Проведёте ревизора в восточную комнату. Выдадите чистое платье без знаков нижнего крыла.

Госпожа Тиль едва не задохнулась от возмущения.

— Без знаков?

— Её текущий статус выше служебного.

Вот это ударило по ней сильнее, чем все Лианины ответы. В лице женщины дрогнуло что-то болезненное: привычный порядок, на который она опиралась, рассыпался на глазах. Служанка не должна была подниматься выше своего крыла. Служанка не должна была сидеть за столом совета. Служанка не должна была получать платье без знака.

Но Дариан уже решил.

— Слушаюсь, господин ректор.

Лиана вдруг поняла, что чистое платье пугает её почти так же, как печать. Серый фартук был унижением, но хотя бы объяснял, почему все смотрят на неё сверху вниз. Новая одежда сделает её ещё заметнее. Ещё опаснее для тех, кто не хочет видеть в ней человека с правами.

— И устав, — добавил Дариан. — Она должна прочитать разделы о ревизии до утра.

— Полный устав нельзя выносить из зала, — сказала госпожа Тиль.

— Сделаете заверенную копию нужных разделов.

— Это займёт время.

— У вас оно есть до третьего удара ночного колокола.

Госпожа Тиль поклонилась так резко, что юбка шуршала, словно сухие листья.

Лиана уже собиралась выйти, когда Дариан сказал:

— Соль.

Она остановилась.

Её раздражало, как это имя в его голосе заставляет её тело отзываться раньше, чем разум. Вера Соколова не должна была реагировать на чужую фамилию. Но тело Лианы знало этот мир. И, кажется, знало страх перед этим мужчиной.

— Да, господин ректор?

Он уловил тон. Конечно уловил. Тонкая складка легла между его бровями.

— Не принимайте сегодняшнее решение за победу.

— А вы не принимайте моё серое платье за доказательство моей слабости.

Госпожа Тиль застыла у дверей. Сержант Рок опустил взгляд, но Лиана успела заметить, как дрогнула его щека — будто он сдержал не улыбку даже, а удивление.

Дариан не улыбнулся.

— В Академии Чёрного Предела слабых не всегда ломают сразу, — сказал он. — Иногда им сначала дают возможность самим открыть дверь, за которой их ждёт падение.

— Тогда хорошо, что теперь у меня есть право проверять двери.

На этот раз она вышла первой.

Коридор за залом совета встретил её холодным светом и шёпотом. Весть уже успела разойтись. Ученики, магистры, слуги — все делали вид, что оказались рядом случайно, но смотрели на неё с таким жадным вниманием, будто перед ними шла не девушка, а живое нарушение закона. Сержант Рок держался на шаг позади. Госпожа Тиль шла впереди, прямая, жёсткая, не оглядываясь.

Лиана чувствовала метку на руке даже через рукав. Золото постепенно бледнело, но не исчезало. Оно было как напоминание: её жизнь теперь принадлежит не только ей. Или, наоборот, впервые за этот день у неё появился кусок жизни, который никто не мог отнять одним приказом.

У поворота к широкой лестнице стояли несколько девушек. Среди них Лиана узнала белокурую красавицу с кольцом — ту, что в холле назвала её отчаянием в сером платье. Теперь на её лице не было смеха.

— Селеста Роун, — прошептала где-то рядом юная служанка, тут же опустив глаза.

Имя встало на место. Селеста. Роун. Та самая фамилия, которую госпожа Тиль произнесла в холле.

Селеста сделала шаг вперёд, перекрывая путь. Госпожа Тиль остановилась, но не стала вмешиваться. Стражи у стены напряглись, однако сержант Рок тоже молчал. Видимо, знатым девушкам здесь позволялось больше, чем служанкам и ревизорам вместе взятым.

— Какое быстрое возвышение, Лиана, — сказала Селеста. Голос у неё был красивый, холодный, воспитанный так, чтобы каждое оскорбление звучало почти как комплимент. — Утром вы чистили лестницы, вечером получили право лезть в дела совета. Академия сегодня щедра к ошибкам.

Лиана остановилась напротив неё.

Она устала. Нестерпимо устала. От чужих взглядов, чужого имени, чужой вины, от необходимости каждую секунду доказывать, что имеет право стоять ровно. Но именно усталость сделала её спокойнее. Злость без сил становилась точной.

— Ошибки бывают полезны, леди Роун. Иногда они показывают то, что тщательно прячут правильные люди.

Селеста чуть приподняла подбородок.

— Будьте осторожны. Ваш знак может заставить магистров слушать вас в зале совета, но он не сделает вас равной тем, кто родился выше.

— А ваш род не сделал вас умнее, раз вы всё ещё путаете высоту происхождения с высотой достоинства.

Рядом кто-то тихо ахнул. Госпожа Тиль резко повернулась, но Лиана уже прошла мимо. Сердце стучало слишком быстро, ладони стали влажными, а в спину впивался взгляд Селесты. Это было глупо, опасно, возможно, совсем не вовремя. Но Лиана знала: если позволит первой же аристократке снова втоптать себя в пол, завтра её будут топтать все.

Дальше они поднимались по лестнице молча.

Восточное крыло оказалось не похожим на нижние коридоры. Здесь было светлее, теплее, на стенах висели не потемневшие гобелены, а узкие зеркала в серебряных рамах. Пол покрывали тёмные дорожки, приглушавшие шаги. Двери стояли далеко друг от друга, и у каждой — маленькая металлическая пластина с гербом или пустым полем для имени.

Госпожа Тиль остановилась у двери с пустой пластиной.

— Ваша комната.

Слово «ваша» далось ей тяжело.

Лиана вошла и на мгновение забыла, что должна быть настороже.

Комната была небольшой, но после кладовой казалась почти роскошной. Узкая кровать под тёмным покрывалом, письменный стол у окна, высокий шкаф, умывальный столик с медным кувшином, два кресла у холодного камина. Окно выходило во внутренний двор Академии. Внизу горели синие огни, двигались тени учеников, а над дальними крышами чернела башня, тонкая и высокая, как поднятый палец.

— Башня наказаний? — спросила Лиана, сама не зная зачем.

Госпожа Тиль проследила за её взглядом.

— Да.

Лиана сжала пальцы на краю стола. Значит, ей не дали забыть, куда она должна была попасть.

— Прекрасный вид.

— Ректор редко делает что-то без причины.

— Я уже заметила.

Госпожа Тиль поставила на стол тонкую связку ключей. Один был от комнаты, второй — маленький, серебристый, с резным крылом.

— Это ключ к малому архиву. Доступ только в сопровождении сержанта Рока. Большой архив, хранилище клятв, ректорский кабинет и башенные уровни остаются закрыты до отдельного решения.

— Но устав...

— Устав даёт вам право запроса, — сухо сказала женщина. — Не право ломиться куда вздумается в первый же вечер.

Лиана повернулась к ней.

— Вы очень не хотите, чтобы я что-то нашла.

Госпожа Тиль резко выпрямилась.

— Я не хочу, чтобы девчонка, которая ещё вчера мыла ступени, развалила порядок, державший Академию веками.

— Если порядок держится только потому, что девчонок не слушают, возможно, он уже давно разваливается. Просто вы привыкли не смотреть вниз.

На лице женщины вспыхнула злость. На миг Лиане показалось, что та скажет что-то резкое, личное, настоящее. Но госпожа Тиль удержалась. Видимо, годы службы в Академии научили её запира́ть чувства лучше любых дверей.

— Чистое платье принесут. Устав тоже. Сержант останется за дверью.

— А если мне понадобится выйти?

— Позовёте.

— А если я не позову?

— Тогда сержант Рок напомнит вам, что право ревизии не отменяет здравого смысла.

Дверь закрылась за ней слишком тихо.

Лиана осталась одна.

Только теперь, когда никто не смотрел, когда не нужно было держать спину ровной и отвечать так, будто она заранее знает правила чужого мира, силы резко ушли. Она опустилась

на край кровати и уставилась на свои руки. Чернила въелись в кожу, золотая метка побледнела, но всё ещё виднелась тонким узором на запястье.

Вера Соколова.

Лиана Соль.

Два имени сталкивались внутри, и ни одно не давало опоры. Вера помнила свою квартиру, лампу, усталость, чашку на столе. Лиана оставила ей тело, обрывки страха, странные знания и чужих врагов. И где-то между этими двумя жизнями теперь сидела она — в комнате для королевских представителей, под охраной, с правом проверять ректора-дракона.

Она тихо рассмеялась. Смех вышел неровным и быстро оборвался.

Если бы всё это случилось в книге, Вера, наверное, закатила бы глаза и сказала, что героиня слишком быстро держится. Но реальность не спрашивала, готова ли она. Реальность поставила её в зал совета перед Дарианом Морвелем и дала выбор: стоять или исчезнуть.

Лиана поднялась и подошла к умывальному столику. Вода в кувшине была холодной. Она долго тёрла пальцы, смывая чернила, но они уходили плохо, оставляя серые тени у ногтей. В зеркале над столиком отразилась незнакомая девушка: бледное лицо, большие тёмные глаза, резковатые скулы, растрёпанные почти чёрные волосы. Не красавица из сказки. Скорее человек, которого слишком часто заставляли молчать, и он почти научился. Почти.

— Кто ты была, Лиана Соль? — прошептала она.

Ответа не последовало.

Зато в дверь постучали.

Лиана резко обернулась.

— Кто?

— Ника из нижнего крыла, — прозвучал тихий девичий голос. — Я принесла платье.

Сержант Рок что-то негромко сказал за дверью. Девушка ответила ему почти шёпотом. Замок щёлкнул, дверь приоткрылась, и в комнату вошла худенькая служанка с аккуратно сложенным тёмно-зелёным платьем в руках.

Она была моложе Лианы, с рыжеватыми волосами, выбившимися из-под чепца, и большими испуганными глазами. Войдя, она быстро присела в поклоне, едва не уронив платье.

— Простите, госпожа... то есть Лиана... то есть...

— Просто Лиана, — сказала она мягче, чем говорила весь вечер.

Девушка подняла глаза. В них было столько искреннего облегчения, что у Лианы сжалось сердце.

— Я не знала, как теперь можно.

— Я тоже.

Ника вдруг зажала рот ладонью, будто едва не улыбнулась в неподходящий момент. Потом подошла к шкафу и разложила платье на спинке кресла.

— Все говорят, вы теперь ревизор.

— Все говорят быстрее, чем я успеваю понимать.

— В нижнем крыле никто не верит, что вы украли печать.

Лиана замерла.

— Почему?

Ника посмотрела на дверь, потом быстро подошла ближе.

— Потому что вы боялись даже проходить мимо ректорского коридора. Простите, я не должна так говорить, но это правда. Вы всегда обходили его через прачечный двор, даже в дождь. А три дня назад сказали мне... — Она осеклась и побледнела.

Лиана шагнула к ней.

— Что сказала?

Ника теребила край фартука. Сержант за дверью не входил, но его присутствие чувствовалось, как тень за спиной.

— Вы сказали, если с вами что-то случится, я не должна верить первому обвинению. И ещё сказали, что печать сама найдёт руку, если рука не побоится правды.

По коже Лианы прошёл холод.

— Я говорила это тебе?

— Да.

— Когда?

— Позавчера ночью. В кладовой для белья. Вы были очень бледная и всё время слушали коридор. Я спросила, что случилось, а вы только сказали, что в Академии есть дверь, которую открывают не ключом.

Лиана медленно опустилась на край стола. Слова Ники ударили одно за другим, складываясь в новую, пугающую картину. Настоящая Лиана Соль не была случайной жертвой. Она что-то знала. Готовилась. Боялась. И почему-то оставила подсказки не магистрам, не ректору, а простой служанке из нижнего крыла.

— Ника, — сказала Лиана тихо, — ты знаешь, кто мог меня подставить?

Девушка испуганно замотала головой.

— Нет. Я правда не знаю. Здесь лучше не знать лишнего.

— Но ты всё равно пришла.

Ника сжала губы.

— Потому что вы однажды заступились за меня перед госпожой Тиль. Все молчали, а вы сказали, что разбитый кувшин был не мой. Потом вас лишили выходного, а я... я даже спасибо толком не сказала.

Лиана почувствовала странное тепло под рёбрами. Не магическое. Простое, человеческое. В этом мире, где каждый второй смотрел на неё как на грязь под ногами или угрозу, нашёлся хоть кто-то, кто помнил не обвинение, а добро.

— Сейчас сказала, — ответила она.

Ника улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— Будьте осторожны с малым архивом. Там дежурит магистр Варен. Он не любит, когда служанки читают.

— Теперь я не совсем служанка.

— Для них вы всё равно она, — тихо сказала Ника. — Только теперь ещё опасная.

За дверью раздался кашель сержанта Рока. Предупреждение.

Ника торопливо отступила.

— Мне пора.

— Подожди. Ты сказала: дверь, которую открывают не ключом. Что это значит?

Девушка покачала головой.

— Не знаю. Но вы тогда смотрели на своё запястье. Вот сюда.

Она показала на место, где теперь бледнела золотая метка.

Лиана опустила взгляд.

Когда она подняла глаза, Ника уже почти вышла. У двери девушка обернулась и сказала так тихо, что Лиана едва услышала:

— Если будете читать устав, смотрите не только на строки. В Академии важнее то, что появляется между ними.

Дверь закрылась.

Лиана осталась стоять посреди комнаты, и тишина после ухода Ники показалась совсем другой. Не пустой, а наполненной намёками. Печать сама найдёт руку. Дверь, которую открывают не ключом. Смотрите между строк.

К третьему удару ночного колокола принесли копию устава. Не госпожа Тиль, а незнакомый младший служащий, который не поднимал глаз и исчез так быстро, словно боялся заразиться её новым статусом. На стол легла тонкая папка с листами, скреплёнными чёрной лен-

той. Рядом — свеча в тяжёлом подсвечнике и маленькая чернильница, хотя Лиана от одного вида чернил невольно сжала пальцы.

Сержант Рок остался за дверью.

— Я буду в коридоре, — сказал он. — Если понадобится выйти, стучите.

— А если понадобится кричать?

Он посмотрел на неё без улыбки, но не враждебно.

— Тогда кричите громче. В восточном крыле толстые стены.

После этого дверь закрылась окончательно.

Лиана села за стол. За окном темнел двор, синие огни дрожали на ветру, башня наказаний стояла вдали, как напоминание о том, что её спасение может быть временным. Она развязала ленту на папке и начала читать.

Первые страницы повторяли то, что уже прозвучало в зале совета. Носитель знака. Право проверки. Защита от наказания. Запрос документов. Сопровождение. Ограничения. Обязанность завершить ревизию в срок, определённый уставом или ректором при согласии совета.

Лиана читала медленно, возвращаясь к строкам по два раза. Нужно было запоминать всё. Здесь каждое слово могло стать щитом. Или ловушкой.

На третьей странице она нашла пункт о помещениях. На четвёртой — о свидетелях. На пятой — о том, что ревизор имеет право требовать объяснений у ректора, если дело касается сохранности печати, архивов и решений совета.

Она невольно усмехнулась.

Право требовать объяснений у Дариана Морвеля. Интересно, сообщил ли ему кто-нибудь эту прекрасную новость?

Свеча потрескивала. В комнате пахло воском, чистой тканью и холодным камнем. Постепенно усталость начала накатывать тяжёлой волной, но Лиана боялась остановиться. Стоило закрыть глаза — и перед ней снова вставала кладовая, печать, золотой свет, лицо Дариана, когда он понял, что не может просто отправить её в башню.

Она перевернула страницу.

Почерк на следующем листе был темнее. Буквы будто проступали медленнее, чем на предыдущих страницах. Лиана нахмурилась и поднесла лист ближе к свече.

Раздел назывался: «О сохранности жизни ревизора».

Она начала читать, и с каждым словом пальцы холодели.

«С момента признания знака Академия несёт ответственность за целостность и свободу ревизора до завершения проверки. Любое препятствие, нанесённое ревизору по приказу должностного лица, признаётся нарушением королевской воли. В случае гибели ревизора, исчезновения ревизора или утраты ревизором способности продолжать проверку до вынесения итогового заключения ответственность возлагается на главу учреждения, подлежащего ревизии».

Лиана медленно выпрямилась.

На главу учреждения.

На ректора.

Она перечитала абзац ещё раз, чувствуя, как по спине ползёт холодное понимание. Если с ней что-то случится, виновным признают Дариана Морвеля. Не того, кто подбросил печать. Не того, кто напал. Не того, кто спрятался в чужих коридорах и чужих приказах. Ректора.

Теперь его злость становилась понятнее. Она была не только угрозой его власти. Она стала живой ловушкой, привязанной к нему уставом.

Лиана хотела отложить лист, но золотая метка на запястье вдруг вспыхнула слабым светом. Буквы на странице дрогнули.

Она застыла.

Между строками, где секунду назад был пустой промежуток, медленно проступила новая фраза. Тонкая, золотая, будто написанная не чернилами, а самим светом.

Лиана наклонилась ближе, почти перестав дышать.

«Если ревизор погибнет до окончания проверки, виновным признаётся ректор Академии».

Строка сияла несколько мгновений, а затем потемнела, становясь частью текста, словно всегда там и была.

Глава 3. Башня, куда не ходят по ночам

Лиана несколько раз перечитала появившуюся строку, надеясь, что буквы изменятся, исчезнут или окажутся игрой света от свечи. Но устав не спешил забирать назад то, что только что открыл. Золотое сияние постепенно ушло в бумагу, сделав надпись такой же тёмной и уверенной, как остальные строки, будто она всегда была частью этого закона, просто ждала, когда именно Лиана Соль коснётся страницы.

«Если ревизор погибнет до окончания проверки, виновным признаётся ректор Академии».

Она медленно опустила ладонь на стол.

Пальцы всё ещё были холодными после воды, ногти не до конца очистились от серых следов, а тонкая метка на запястье едва заметно светилась под кожей. В комнате стояла тишина, но теперь она больше не казалась спокойной. Снаружи, за дверью, находился сержант Рок. Вдалеке, в глубине академии, звенели шаги ночного обхода. За окном ветер скользил по каменным уступам восточного крыла, и каждый его порыв напоминал: эта академия не спит. Она слушает.

Лиана встала так резко, что стул едва не опрокинулся.

До этого момента её положение казалось опасным, но хотя бы понятным: её обвинили, знак защитил, устав дал право на проверку. Теперь всё стало сложнее. Если с ней что-то случится, виновным признают Дариана Морвеля. Значит, тот, кто подбросил ей печать, мог рассчитывать не только убрать Лиану. Он мог ударить по ректору её руками. Вернее, её смертью.

Эта мысль оказалась такой неприятной, что Лиана невольно прижала пальцы к горлу, словно воздух в комнате стал гуще. В чужом мире, в чужом теле, с чужим именем она уже была пешкой. Но теперь поняла, что её поставили на доску не случайно. Её не просто пытались обвинить. Её сделали ловушкой.

Для Дариана.

И, возможно, он это понял раньше неё.

Она подошла к двери и постучала.

Сержант Рок открыл почти сразу. Он стоял в коридоре с прямой спиной и таким видом, будто за время её чтения не позволил себе даже прислониться к стене. Его лицо осталось каменным, но взгляд быстро прошёл по комнате, по разложенным листам, по её руке.

— Что случилось?

— Мне нужно к ректору.

— Сейчас ночь.

— Устав не ждёт утра.

Рок не двинулся.

— Господин ректор приказал не беспокоить его без причины.

Лиана обернулась к столу, взяла лист с новой строкой и поднесла к свету так, чтобы сержант видел текст. Он не вошёл, но наклонил голову. По мере чтения его лицо не изменилось, однако глаза стали внимательнее.

— Это было в копии изначально? — спросил он.

— Нет. Строка появилась только что.

Рок помолчал. У него не было привычки заполнять паузы лишними словами, и Лиана поймала себя на том, что эта сдержанность почти успокаивает. В этой академии слишком многие говорили красиво и опасно. Сержант говорил редко, зато, кажется, именно тогда, когда нужно.

— Пойдёмте, — сказал он.

— К ректору?

— Сначала к двери. Дальше будет зависеть от того, насколько господин Морвель сочтёт это важным.

Лиана едва удержалась от ответа, что господин Морвель сочтёт важным всё, что касается его собственной головы. Но промолчала. Ей не стоило злить единственного человека, который пока не пытался унижить её или использовать.

Коридор восточного крыла ночью выглядел иначе. Синие огни в нишах стали тусклее, зеркала на стенах отражали не лица, а вытянутые тени, и от этого казалось, будто за каждым шагом наблюдают не люди, а сама Академия. Лиана шла рядом с сержантом, крепко сжимая лист, и чувствовала, как чистое тёмно-зелёное платье непривычно скользит по ногам. Платье без знака нижнего крыла. Без серой метки служанки. Без прежнего места.

Но отсутствие знака не сделало её свободной.

У поворота к лестнице Рок неожиданно остановился.

— За нами идут.

Лиана не успела обернуться. Сержант положил ладонь на рукоять меча и чуть повернул голову к тёмному боковому проходу.

Из тени вышел Дариан Морвель.

Он был без мантии, в том же чёрном камзоле, только серебряная застёжка у горла растёгнута, а волосы слегка растрепал ветер или поздний час. И всё же в нём не было ни усталой небрежности, ни сонной раздражённости. Он выглядел так, будто всю ночь ждал именно этого момента и просто позволил ей самой дойти до нужного вывода.

— Вы собирались тревожить мой кабинет, Соль?

Лиана сильнее сжала лист.

— Если вы уже здесь, значит, тревожить не придётся.

Рок шагнул назад, оставляя между ними пространство, но не уходя совсем. Дариан заметил это, коротко кивнул сержанту и перевёл взгляд на Лиану.

— Что нашёл устав?

Она протянула ему лист.

Дариан не взял бумагу сразу. Сначала посмотрел на неё, потом на её запястье, где под рукавом всё ещё тлел слабый золотой отблеск. Только после этого принял лист и прочитал строку.

Лиана наблюдала за его лицом. Она уже поняла: у Дариана Морвеля трудно увидеть явные эмоции. Он не позволял им выходить наружу без разрешения. Но сейчас его взгляд стал тяжелее, и тонкая складка между бровями прорезалась глубже.

— Вы знали? — спросила она.

— О такой формулировке — нет.

— Но знали, что моя жизнь теперь связана с вашей ответственностью.

— Догадывался.

Её задела эта честность. Было бы проще, если бы он солгал, если бы сделал вид, что впервые слышит о подобном правиле. Тогда она могла бы злиться чисто, без лишних сомнений.

— И поэтому поселили меня рядом с малым архивом? Удобно охранять ловушку, когда она под рукой.

Дариан сложил лист пополам, аккуратно, по линии, будто даже бумага в его руках должна была подчиняться порядку.

— Я поселил вас там, где меньше всего желающих случайно проверить, насколько устав готов защищать нового ревизора.

— А заодно там, где каждый мой шаг можно услышать из вашего крыла?

— Если бы я хотел следить за каждым вашим шагом, вы бы узнали об этом только тогда, когда уже сделали бы лишний.

Лиана посмотрела на него с раздражением, которое оказалось слишком живым для позднего пустого коридора. Он стоял спокойно, но вокруг него будто плотнее собирался воздух. В зале совета его власть давили свидетели и должность. Здесь, в ночном крыле, Дариан казался опаснее именно потому, что рядом не было толпы. Только камень, тени, сержант Рок в нескольких шагах и золотая строка закона между ними.

— Тогда объясните, что это значит, — сказала она. — Если я погибну, виновным признают вас. Не убийцу, не заговорщика, не того, кто подбросил печать, а именно ректора. Значит, моя смерть кому-то выгодна.

— Или ваш страх должен заставить вас отказаться от проверки.

— Отказаться я уже не могу.

— Можете. Вопрос в цене.

— Вы бы хотели, чтобы я отказалась?

Дариан посмотрел на неё долго, и Лиана неожиданно поняла, что он выбирает ответ. Не потому, что не знает его. Потому что честный ответ мог оказаться неудобным.

— Я хотел бы, чтобы в моей Академии не появлялись женщины с чужой памятью в глазах и знаком ревизии на руке.

Лиана замерла.

Слова ударили не громко, но точно.

— Что вы сказали?

— Вы слишком часто смотрите на этот мир так, будто видите его впервые. Иногда вы называете вещи правильно, иногда — так, как сказала бы не Лиана Соль. Вы не помните простых правил, но замечаете то, что другие пытаются скрыть. И каждый раз, когда вам называют ваше имя, вы будто на мгновение вспоминаете, что оно не совсем ваше.

Лиана почувствовала, как по спине медленно прошёл холод. Она старалась быть осторожной. Думала, что достаточно быстро учится. Но Дариан видел больше, чем ей хотелось.

— Вы обвиняете меня в чём-то новом?

— Пока наблюдаю.

— Звучит хуже обвинения.

— Часто так и бывает.

Она отвернулась первой, потому что слишком долго выдерживать этот взгляд было опасно. Не для жизни. Для той части её, которая отчаянно хотела, чтобы хоть кто-то понял: она не просила этой чужой судьбы, этого тела, этих обвинений и знаков. Но признаться Дариану означало отдать ему самое слабое место. А он не был человеком, которому можно было доверять только потому, что он говорил спокойно.

— Мне нужен малый архив, — сказала она.

— Сейчас?

— Сейчас. Если тот, кто подставил меня, рассчитывал на рассвет, то до рассвета он может убрать следы.

— Вы едва держитесь на ногах.

— Это мешало вам отправить меня в башню?

Его взгляд потемнел.

— Соль.

— Я хочу начать с журналов доступа и ключей. Вы сами приказали их подготовить.

— Документы принесут утром.

— А если утром они окажутся переписаны?

Рок едва заметно повернул голову к Дариану. Лиана заметила это движение и поняла: сержант тоже слышал в её словах смысл.

Дариан молчал несколько секунд. Потом протянул ей сложенный лист.

— Малый архив. Только малый. Рок идёт с вами. Я тоже.

Лиана подняла брови.

— Вы боитесь оставить меня с документами наедине или документы со мной?

— Я не люблю, когда важные ответы находят без меня.

Это было сказано без улыбки, но в словах прозвучало что-то почти живое. Не мягкость, конечно. Дариан Морвель, кажется, не позволял себе мягкости рядом с теми, кому не доверял. Но между ними на мгновение возникло другое напряжение — не только спор, не только взаимная настороженность. Что-то острое, как край тонкого стекла: один неверный шаг, и порежешься.

Малый архив находился в конце восточного крыла, за дверью с серебряным крылом на замке. Ключ, оставленный госпожой Тиль, подошёл не сразу. Лиана дважды повернула его неправильно, прежде чем замок поддался. Она почувствовала взгляд Дариана на своих руках, но он ничего не сказал. Возможно, уже сделал ещё одну пометку в своём невидимом списке странностей Лианы Соль.

Внутри пахло сухой бумагой, воском и старым деревом. Комната оказалась вытянутой, с узкими окнами под потолком и рядами шкафов вдоль стен. На каждом шкафу были таблички: «Ключи нижних служб», «Дежурства», «Архивный доступ», «Внутренние перемещения», «Закрытые зоны». У дальнего стола стояла лампа с синим стеклом, и её свет ложился на бумаги холодными пятнами.

Лиана вошла первой, и метка на её запястье неожиданно потеплела.

Она остановилась.

— Что? — спросил Дариан.

— Знак реагирует.

— На что?

Лиана медленно повернулась, прислушиваясь не ушами, а кожей. Тепло тянуло не к шкафу с ключами и не к журналу доступа, а вглубь, к узкой двери за последним стеллажом. Дверь была настолько низкой и неприметной, что её легко принять за часть обшивки. На табличке ничего не было.

— Туда.

Рок подошёл к двери первым, проверил замок и покачал головой.

— Закрыто не обычным ключом.

Дариан встал рядом. Его лицо стало жёстче.

— Это старый проход к южной башне.

Лиана повернулась к нему.

— Той самой, куда не ходят по ночам?

Он посмотрел на неё слишком быстро.

— Кто вам это сказал?

— Пока никто. Я догадалась по вашему лицу.

Рок кашлянул, будто хотел скрыть реакцию, но Дариан не отвёл взгляда.

— Южная башня закрыта для занятий и служебных работ уже много лет. Там нет документов по вашему делу.

Метка на запястье стала теплее.

— Устав считает иначе.

— Устав не ходил по южной башне после заката.

— А вы ходили?

Дариан не ответил сразу, и этого оказалось достаточно.

Лиана подошла к двери. Дерево было тёмным, почти чёрным, без ручки. Только узкая вертикальная выемка на уровне её ладони. Она не успела коснуться её, как Дариан перехватил её запястье.

Не грубо. Но крепко.

Тепло его пальцев оказалось неожиданным. Лиана дёрнулась не потому, что ей было больно, а потому что прикосновение прозвучало слишком резко на фоне ночи, архива и чужой магии. Его рука сомкнулась поверх золотой метки, и та вспыхнула между их кожей тонкой полосой света.

Дариан тоже почувствовал это. Его пальцы не разжались, но взгляд опустился к их рукам. На мгновение в комнате стало очень тихо.

— Не трогайте то, что зовёт вас, пока не поймёте, зачем, — сказал он.

— Если я буду ждать полного понимания, то до конца проверки не сдвинусь с места.

— Это лучше, чем открыть дверь, за которой вас ждёт смерть.

— Если я погибну, виновным признают вас. Разве не вы должны быть заинтересованы узнать, кто хочет открыть эту дверь вместо меня?

Его пальцы сжались чуть сильнее. Не до боли, но достаточно, чтобы она поняла: попала точно.

— Вы быстро научились пользоваться своим положением.

— Я быстро учусь, когда меня сначала обвиняют, потом охраняют, а потом пытаются не пустить туда, куда ведёт единственная подсказка.

Дариан отпустил её руку.

Место, где были его пальцы, ещё несколько секунд хранило тепло. Лиана постаралась не думать об этом. Сейчас было совсем не время замечать такие вещи.

— Рок, — сказал Дариан. — Свет.

Сержант снял со стены лампу. Синий огонь внутри стекла вспыхнул ярче. Дариан коснулся двери двумя пальцами и произнёс короткое слово на языке, которого Лиана не знала, но от которого у неё дрогнули рёбра. Дверь не открылась. Вместо этого на ней проявился тонкий рисунок: крыло, башня и весы.

Знак ревизии.

Лиана молча подняла руку. На этот раз Дариан не остановил.

Когда её ладонь легла в выемку, дверь открылась внутрь.

За ней начинался узкий проход, уходящий вниз и в сторону, туда, где камень становился старше, а воздух — холоднее. Ступени были покрыты тонким слоем пыли. В пыли виднелись следы.

Свежие.

Рок опустился на корточки, провёл пальцами над отпечатком, не касаясь.

— Здесь проходили сегодня.

Дариан посмотрел на Лиану.

— После закрытия башни сюда не должен был входить никто.

— Значит, кто-то снова оказался умнее правил.

Она не собиралась повторять его собственные слова, они вырвались сами. Дариан уловил это и впервые за всё время посмотрел на неё не только с раздражением. Взгляд стал сложнее. Будто он не хотел признавать, что её замечание справедливо, но уже не мог отмахнуться.

Они пошли вниз.

Проход был тесным, стены давили плечами, и Лиана быстро поняла, почему слуги шептали о южной башне. Здесь не было обычной академической строгости. Старый камень казался влажным, хотя воды не было видно. На стенах попадались выцарапанные знаки, зачёркнутые так яростно, будто кто-то пытался стереть не надпись, а саму память о ней. Синий огонь лампы выхватывал из темноты ступени, поворот, ещё один поворот.

Лиана шла между Роком и Дарианом, чувствуя, как знак на запястье пульсирует в одном ритме с её дыханием. Страх уже не был прежним, беспомощным. Он стал внимательным. Заставлял замечать, думать, держаться ближе к стене, смотреть под ноги и не доверять тишине.

— Почему башню закрыли? — спросила она.

Дариан ответил не сразу.

— Официально — из-за ветхости старых уровней.

— А неофициально?

— Не задавайте вопросы, ответы на которые пока не сможете использовать.

— Я ревизор. Вопросы — моя новая работа.

— Вы ревизор меньше суток.

— А враги у меня появились так, будто я работаю давно.

Рок, шедший впереди, остановился у следующей двери. Эта была железной, с узкими прорезями, за которыми темнела пустота.

— Южная башня, нижний архивный уровень, — сказал он.

— Архивный? — Лиана посмотрела на Дариана. — Вы говорили, башня закрыта и не имеет отношения к документам.

— Она не должна иметь.

— В вашей Академии это, кажется, разные вещи.

Дариан сам открыл дверь. Железо поддалось тяжело, с низким скрежетом, и холодный воздух хлынул им навстречу. Лиана невольно обхватила себя руками, но вошла следом за Роком.

Южная башня внутри была круглой. Высокий зал уходил вверх несколькими ярусами, соединёнными узкими галереями. Большая часть окон была заложена камнем, но через трещины пробивался серый ночной свет. В центре стояли старые столы, покрытые тканью. У стен — шкафы, сундуки, стойки с папками, давно забытыми или нарочно спрятанными. Пыль лежала толстым слоем почти везде, кроме одной дорожки.

Она вела к дальнему шкафу.

Лиана пошла туда, не дожидаясь разрешения. Дариан двинулся рядом, и это соседство странно действовало на нервы. С одной стороны, его присутствие раздражало: он контролировал, оценивал, не доверял. С другой — в этой башне, где каждый угол казался чужим и настоящим, рядом с ним было безопаснее, чем без него. Признать это не хотелось.

У шкафа метка на запястье вспыхнула.

— Здесь.

Рок поднял лампу выше. На дверцах шкафа виднелись свежие царапины у замка. Кто-то открывал его недавно и спешил.

— Отойдите, — сказал Дариан.

— Я могу...

— Соль.

В этом коротком обращении было столько предупреждения, что Лиана отступила на полшага. Дариан коснулся замка, но не стал ломать. Провёл пальцами по царапинам, затем по пыли на ручке, и его лицо стало ещё мрачнее.

— Рок, кто имел доступ к этому уровню?

— По действующему списку — никто, кроме ректора, старшего магистра архива и внутреннего порядка.

— То есть вас, магистра Варена и Ориана Тарса? — уточнила Лиана.

Дариан медленно повернул к ней голову.

— Вы делаете выводы быстрее, чем это безопасно.

— А вы отвечаете медленнее, чем это полезно.

На этот раз в его взгляде мелькнула почти искра. Возможно, злость. Возможно, что-то другое, такое же опасное.

Он открыл шкаф.

Внутри стояли папки, перевязанные потемневшими лентами. На корешках были годы, факультетские знаки, фамилии. Лиана сначала не поняла, почему метка зовёт именно сюда.

Папки выглядели старыми, скучными, почти мёртвыми. Но когда она потянулась к одной из них, знак на руке вспыхнул сильнее.

— Списки поступающих, — прочитала она на корешке.

Дариан напрягся.

— Какие годы?

— Разные. Здесь не один набор.

Она положила папку на ближайший стол. Пыль поднялась лёгким облаком, и Лиана отвернулась, чтобы не закашляться. Рок поставил лампу рядом. Свет лёг на пожелтевшие листы, ровные столбцы имён, происхождение, уровень дара, рекомендации, решение комиссии.

Сначала всё выглядело обычно, насколько она вообще могла судить о магической академии. Имена. Родовые знаки. Оценки. Печати. Но потом Лиана заметила странность: на нескольких строках чернила были чуть светлее. Не сразу заметно, только если смотреть под углом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.